

В. П. Кириленко*,
Г. В. Алексеев**

ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО И РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДИФФАМАЦИИ

Аннотация. Интеграция России в общемировое информационное пространство во многом зависит от того, насколько эффективно фундаментальные права и свободы человека будут защищены действующим национальным законодательством и формирующимся интеграционным правом. Гармонизация российского права с европейскими стандартами свободы слова и защиты нематериальных прав физических и юридических лиц в части ответственности за диффамационные заявления является принципиально важной задачей для поддержания авторитета Российской Федерации на европейской политической арене. Деятельность международных правозащитных организаций, таких как Международный институт прессы, демонстрирует проблемы с обеспечением реальной свободы слова в подавляющем большинстве стран Европейского Союза. Использование уголовно-правовых санкций за совершение диффамационных деликтов, равно как применение чрезвычайно крупных административных штрафов и гражданско-правовых компенсаций, по сути, является общеевропейской практикой противодействия не только диффамации, но и всяким злоупотреблениям свободой слова со стороны медиасообщества. Такая практика может гипотетически угрожать свободе слова, и она вызывает понятную озабоченность демократической общественности перспективами контроля над частными медиа со стороны государственных институтов. Призывы к социально-правовым экспериментам в виде очередных попыток декриминализации клеветы не представляются конструктивными. На основе анализа российской практики привлечения к ответственности за деликты в информационном пространстве предлагается понимать под диффамацией всякое противоправное распространение информации с целью причинения вреда охраняемым законом интересам и шире использовать меры гражданско-правовой ответственности при наказании за такого рода правонарушения. Гармонизацию европейского и российского права по вопросу диффамации предлагается строить за счет разработки унифицированных правил по производству судебной лингвистической экспертизы диффамационных материалов для более обоснованного доказывания противоправных намерений деликвента.

Ключевые слова: СМИ, права человека, клевета, оскорбление, медиа, лингвистическая экспертиза, честь, достоинство, деловая репутация.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.168-182

© Кириленко В. П., Алексеев Г. В., 2019

* Кириленко Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург), заслуженный юрист Российской Федерации

v.vvaas@yandex.ru

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, 7-я линия В. О., д. 16/18

** Алексеев Георгий Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург)

deltafox1@yandex.ru

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, 7-я линия В. О., д. 16/18

Введение

Профессор С. Ю. Кашкин справедливо охарактеризовал метод гармонизации (сближения) законодательства как базовый способ совершенствования национального права в рамках интеграционных объединений государств¹. Опыт европейской интеграции показал, что созданию единого правового пространства предшествуют процессы гармонизации правовых систем до того уровня, который позволяет устранить коллизии в системе коммунитарного права регионального объединения государств. В этом смысле гармонизация законодательства предшествует унификации наднационального права и обусловлена широким спектром политических причин, в силу которых национальные администрации не готовы к принципиальным изменениям в собственных правовых системах². В современном мире присутствует понимание того, что «гармонизация права — это основной юридический процесс современной правовой интеграции между правовыми системами государств»³, которая необходима для реализации целей устойчивого развития на региональном уровне международного взаимодействия.

Доктринальное определение термина «диффамация» (лат. *diffamatio* — разглашение, распространение, предание гласности) основано на его правовом понимании как распространении порочащих сведений, которые могут быть достоверной или недостоверной информацией, направленной на причинение вреда чести, достоинству или ухудшение репутации конкретного человека, юридического лица или государственного органа в глазах других людей или структур гражданского общества. Термин «диффамация» не используется в российском

законодательстве, но он имеет правовое содержание и широко распространен в праве европейских государств, активно применяется в решениях Европейского Суда по правам человека⁴. Понятие «диффамация» достаточно часто используется в российской и зарубежной правовой доктрине «в качестве обобщающего по отношению к различным видам нарушений личных, неимущественных прав на защиту чести, достоинства, репутации и доброго имени»⁵. Использование термина «диффамация» в российском законодательстве может вызывать значительные сложности, так как законодателем предполагается, что различия между достоверной и недостоверной информацией являются принципиально значимыми в вопросе причинения и компенсации вреда чести, достоинству и деловой репутации.

Исследования правоприменительной практики Европейского Суда по правам человека показывают, что определение диффамации в национальном законодательстве в значительной степени затрагивает демократические ценности, права и свободы человека⁶. Нормативно-правовое противодействие диффамации напрямую затрагивает свободу слова, гарантированную ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.). Защита свободы слова — обязанность всех государств — членов Европейского Союза (ЕС) и Российской Федерации не только вследствие их членства в Совете Европы, но и в силу защиты прав человека на уровне основных принципов международного права. Принципиальный характер здесь имеет эффективность механизма социального контроля над государственным аппаратом, которая во многом зависит от качества функционирования национального и международного медиасообщества.

¹ Кашкин С. Ю. Интеграционное право как перспективное направление развития юридической науки и образования // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2153.

² Рудоквас А. Д. Перспективы создания единого правового пространства ЕАЭС в свете опыта гармонизации частного права в ЕС // Евразийская экономическая перспектива : сборник докладов V Международного экономического форума. 2018. С. 70.

³ Баетов А. Б. Гармонизация права как ведущий процесс правовой интеграции // Известия вузов (Кыргызстан). 2010. № 3. С. 279—281.

⁴ Например: ECtHR, *Delfi AS v. Estonia* [GC], No. 64569/09, 16 June 2015 // Handbook on European non-discrimination law 2018. P. 88. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Handbook_non_discrim_law_ENG.pdf.

⁵ Галяшина Е. И., Земскова С. И. Противоречия в понимании диффамации в Гражданском Кодексе РФ и Уголовном Кодексе РФ // Lex Russica. 2011. Т. 70. № 6. С. 1148—1154 ; Carter-Ruck on Libel and Privacy 2010. Eds. Cameron Doley, Harvey Starte, Caroline Addy & oths. Butterworths Law. 1762 p.

⁶ McGonagle T. Freedom of Expression and Defamation: A study of the case law of the European Court of Human Rights. Council of Europe. 2016.

Анализируя проблему социального контроля над государственной властью, профессор С. А. Авакьян неоднократно и убедительно отмечал «необходимость реформы, касающейся решения самого принципиального вопроса — расширения конституционных основ российского общества и развития демократических институтов»⁷. Особенно актуально совершенствование демократии в процессе предвыборной агитации, где «граждане, общественные объединения могут распространять сведения о личности кандидата, в том числе и о поступках, не лучшим образом его характеризующих... [при этом], всё должно сопровождаться соблюдением законодательства в части заведомо ложной информации, клеветы и унижения личного достоинства кандидатов»⁸. Формирование легитимных представительных органов власти (в том числе на наднациональном уровне по опыту ЕС) — один из принципиальных аспектов развития современного правового государства.

Не вызывает сомнений, что «России следует учесть передовой законотворческий опыт ряда европейских государств»⁹, который убедительно демонстрирует, что «личный интерес индивидов не может ждать сколько угодно долго законодательного решения, и лица, имеющие такой интерес, самостоятельно для себя устанавливают правила взаимодействия, основанные на принципах равенства и эквивалентности»¹⁰. В современном медиапространстве эта логика частного права образует деонтическую основу сетевого общения, однако государство не вправе полностью самоустраниться от решения задач по обеспечению безопасности в информационной сфере за счет противодействия экстремизму и особо опасным проявлениям диффамации¹¹.

Демократические ценности и диффамационные деликты

Защита демократических ценностей — важнейшая задача правового регулирования в сфере конституционного правопорядка и совершенствования социального контроля. Еще в начале века, выражая приверженность свободе слова, третий президент США Томас Джефферсон полагал, что «добродетель недолго меркнет в тени облаков клеветы; и временная боль, которую она вызывает, безмерно компенсируется безопасностью, которая обеспечивается защитой принципов и поведения институтов публичной власти от вырождения»¹². Вместе с тем правовое государство и глобальное медиапространство открытого общества предполагают эффективную защиту нематериальных благ граждан и юридических лиц на принципах справедливости и равноправия. Дискредитация системообразующих социальных систем, таких как: народное образование, журналистика, креативная индустрия, демократия, правовая система и экономические институты, не приводит к росту культурного капитала, а, напротив, подрывает уверенность молодого поколения специалистов в возможности собственного индивидуального профессионального успеха. В то время как свобода слова гарантирована ст. 29 Конституции Российской Федерации, защита от диффамации остается важным элементом медиабезопасности субъектов современных массовых коммуникаций, так как многие структуры информационного общества уязвимы перед медийными кампаниями, нацеленными на дискредитацию конкретных лиц и социальных институтов.

Международный институт прессы (англ. The International Press Institute, IPI) последовательно отмечает, что публичные администрации европейских государств используют институт

⁷ Авакьян С. А. Некоторые мысли о состоянии и перспективах конституционно-политического развития России // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 2016. № 1. С. 16.

⁸ Авакьян С. А. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 2015. № 5. С. 23—39.

⁹ Сырых В. М. Проблемы гармонизации позитивного и социального (предпозитивного) частного права // Lex Russica. 2017. № 7 (128). С. 27.

¹⁰ Сырых В. М. Указ. соч. С. 21.

¹¹ Экстремизм в современном мире : монография / под ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, В. А. Шамахова ; Северо-Западный институт управления РАНХиГС. СПб., 2018.

¹² Rayner B. L. Life of Jefferson (1834). P. 356.... «virtue is not long darkened by the clouds of calumny; and the temporary pain which it causes is infinitely outweighed by the safety it insures against degeneracy in the principles and conduct of public functionaries» Thomas Jefferson June 1804.

уголовной ответственности за диффамацию как инструмент неоправданного ограничения свободы слова¹³. В доктрине медийного права (media law) звучат вполне рациональные доводы о том, что отмена уголовного преследования за диффамацию может стать неизбежным следствием различий в понимании норм иностранного права, направленных на защиту чести, достоинства и деловой репутации¹⁴. Однако использование мер уголовно-правовой охраны чести и достоинства не только индивидов, но и государства в целом остается важной гарантией информационного правопорядка.

Российский законодатель (в поиске компромисса между гарантиями свободы слова, которые ограничивают возможности публичной власти по влиянию на профессиональную деятельность субъектов национальной и международной журналистики, и защитой от диффамации публичных и частных интересов) сделал упор на нормы публичного права, которые лишь отчасти эффективны в условиях динамично развивающегося глобального медиaprостранства. Такой подход хотя и является типичным для стран континентальной системы права, вызывает определенные проблемы и сложности, связанные с тем, что, во-первых, наряду с компенсацией вреда тем лицам, кому такой вред причинен, взыскивается штраф в доход государства и, соответственно, встает проблема соотношения мер уголовной и гражданской правовой ответственности за конкретное правонарушение, а, во-вторых, под угрозой оказывается равноправие журналистов и других представителей медиасообщества, могут нарушаться права российских и зарубежных медиакорпораций, работающих в глобальном информационном пространстве.

Российское частное право отличается узким пониманием угроз причинению вреда чести и достоинству. Так, в соответствии с п. 1 ст. 152 Гражданского кодекса РФ «гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или

другим аналогичным способом». Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, также «вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений» (п. 9 ст. 152 ГК РФ). Вместе с тем российская судебная практика показала, что реальная защита от диффамации нематериальных благ физических лиц сопряжена со значительными трудностями как в вопросе интерпретации диффамационных текстов, так и по части определения размера справедливой компенсации вреда, причиненного диффамацией.

В пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства, деловой репутации» разъяснено, что надлежащими ответчиками по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации являются авторы не соответствующих действительности порочащих сведений, а также лица, распространившие эти сведения. Если оспариваемые сведения были распространены в средствах массовой информации, то надлежащими ответчиками являются автор и редакция соответствующего средства массовой информации. Данное постановление также разъясняет, что ответственность для ответчика по иску наступает, если истец докажет два обстоятельства:

- сведения о фактах распространены (доведены хотя бы до одного третьего лица);
- сведения носят порочащий характер — имеют негативное для репутации истца содержание или коннотацию.

Для отклонения исковых требований ответчик может доказать в соответствии с нормами гражданского процессуального права, что сведения о фактах соответствуют действительности.

Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.) демонстрирует, что вред чести, достоинству и деловой репутации не может быть причинен мнением или суждением ответчика, а также различными художественными приемами юмористического и чисто литературного свойства (сравнениями с расте-

¹³ The Abuse of Defamation Laws in Europe 2016—2017: Exposing and Addressing the Threat to Media Freedom and Pluralism. URL: <http://legaldb.freemedia.at/defamation-laws-in-europe/>.

¹⁴ Anstey B. J. Criminal Defamation and Reputation as 'Honour': a cross-jurisdictional perspective // Journal of Media Law 2017. Vol. 9. Iss. 1. Pp. 132—153. DOI: 10.1080/17577632.2017.1311467.

ниями и животными, гротеском и гиперболами и т.п.). Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» устанавливает общие правила доказывания факта распространения сведений через средства массовой информации, которые не связаны с обязательным хранением медийных материалов. Такие правовые нормы в полной мере соответствуют стандартам Совета Европы.

Диффамация на уровне частных интересов, оказывая влияние, аналогичное экстремизму на уровне публичного правопорядка¹⁵, представляет существенную угрозу устойчивому развитию информационного общества. Авторитет государственных учреждений, индивидов и юридических лиц определяет их позиции в системе международного общения, отражает общий культурный капитал нации, необходимый для производства конкурентоспособной интеллектуальной собственности и сохранения профессионалами культурной сферы накопленного социального опыта. Если российская журналистика будет несправедливо ограничена законодательством в способах привлечения целевой аудитории, то Россия может проиграть борьбу за внимание зрителя в мировом информационном пространстве, продолжая надеяться на торжество определенных моральных ценностей в результате их защиты нормами публичного права. При этом публичное право способно не только оказывать регулирующее воздействие на общественные отношения, но может подталкивать представителей медиасообщества к поиску новых более агрессивных форматов своей работы. Здесь показателен пример особенностей применения ответственности за клевету и оскорбление по российскому праву.

С одной стороны, для средств массовой информации и активных пользователей сети «Интернет» (блогеров) предусмотрены аналогичные квалифицированные составы за совершение таких правонарушений, как клевета (ст. 128.1 Уголовного кодекса РФ введена Фе-

деральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.07.2012 № 141-ФЗ) и оскорбление (ст. 5.61 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ введена Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Так, в частности, клевета (распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию), содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, наказывается штрафом в размере до 1 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до одного года либо обязательными работами на срок до 240 часов (ч. 2 ст. 128.1 УК РФ). В свою очередь, оскорбление (унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме), содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 3 000 до 5 000 руб.; на должностных лиц — от 30 000 до 50 000 руб.; на юридических лиц — от 100 000 до 500 000 руб. (ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ).

С другой стороны, применение к тактическим медиа сети «Интернет» и журналистам аналогичных мер наказания, предусмотренных российским законодательством, не является однозначной перспективой с учетом того, что толкование термина «публичный» в юридической науке достаточно часто сводится к его значению «официальный»¹⁶, даже в контексте «публичный имидж»¹⁷, где официальность неизбежно дополняется общественным признанием. При таком понимании норм права блогеры, как правило, не совершают публичных заявлений в Сети, особенно когда действуют анонимно.

¹⁵ Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12 № 4. С. 561—571. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571 ; Экстремизм в современном мире : монография.

¹⁶ Мухин А. М. Публичность как принцип уголовного процесса // Проблемы права. 2009. № 3 (19). С. 140—142 ; Подольный Н. А. Публичность в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2009. № 11. С. 25—28.

¹⁷ Ливеровский А. А. Публичность правовых позиций как гарантия независимости судьи // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 2. С. 39—41.

Соответственно, на них (в отличие от журналистов) распространяются общие диспозиции ч. 1 ст. 128.1 УК РФ и ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ. Такой подход изначально ставит журналистов в более жесткие рамки закона, которые активные пользователи сети «Интернет» успешно обходят, пользуясь трансграничным характером коммуникации в Глобальной сети. При этом зарубежные средства массовой информации совершенно официально остаются вне юрисдикции российского публичного права.

Перспективы применения запретительной методологии правового регулирования в информационной сфере необходимы, но чрезвычайно ограничены, так как они определяются теми социальными практиками, которые восприняты медиасообществом. Имитация реального общения в социальных сетях и цифровой разрыв в современном информационном пространстве формируют широкий спектр критических угроз медиабезопасности государства, личности и институтов гражданского общества. Можно с уверенностью утверждать, что при наличии твердого желания распространить диффамационную информацию такое намерение, скорее всего, будет реализовано через тактические медиа¹⁸. Перспективы привлечения к ответственности лиц, реализовавших такие противоправные намерения, напрямую зависят от уровня международной кооперации и взаимопонимания между странами по вопросу защиты нематериальных прав физических и юридических лиц, а также органов государственной власти и государства в целом. По мнению ряда российских ученых, именно гражданско-правовая форма охраны нематериальных прав в глобальном информационном пространстве становится наиболее действенной формой защиты свободы и равноправия¹⁹.

Для гармонизации российского права и права стран — членов ЕС не является проблемой тот факт, что диффамационные материалы, содержащиеся в публичном выступлении или средствах массовой информации, могут для их автора или распространителя повлечь уго-

ловную либо административную ответственность. Такая ситуация сложилась в законодательстве большинства европейских государств, за исключением Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (Великобритании), Республики Ирландия, Королевства Норвегия, Румынии, Черногории и Республики Македония. В большинстве стран злоупотребление свободой слова будет квалифицироваться как преступление, хотя достаточно часто небольшой степени тяжести. Исключение составляет Федеративная Республика Германия (ФРГ), где за клевету (*slander* — англ., *Erleumdung* — нем.) и оскорбление (*insult* — англ., *Beleidigungen* — нем.) в материалах средств массовой информации предусмотрено до пяти лет лишения свободы (ст. 188 гл. 14 Уголовного кодекса ФРГ)²⁰.

Можно с уверенностью утверждать, что некоторые аспекты российского определения экстремизма в части «нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной... принадлежности», а также призывов к воспрепятствованию «законной деятельности государственных органов» (п. 1 ст. 1 Федерального закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности») в определенной степени коррелирует с понятием криминальной диффамации в праве таких стран — членов ЕС, как Германия, Испания и Италия. Например, ст. 209 раздела IX Уголовного кодекса Королевства Испания (УК Испании)²¹ предусматривает уголовную ответственность от 6 до 14 месяцев лишения свободы за тяжкую диффамацию — всякое серьезное посягательство на достоинство и репутацию конкретного лица посредством публичного распространения информации, которое при этом не образует состав клеветы, за которую ст. 206 УК Испании предусмотрено до двух лет лишения свободы. Вместе с тем применительно к праву Российской Федерации на достаточно спорных основаниях статья 319 УК РФ считается европейскими партнерами диффамационным

¹⁸ Мельник Г. С. Тактические медиа в деструктивных технологиях протеста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2015. № 3. С. 83—91 ; Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Тактические медиа: социальные приоритеты и прагматика текста // Гуманитарный вектор. 2014. № 4 (40). С. 104—109.

¹⁹ Культуральные исследования права : монография / под ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб. : Алетейя, 2018. С. 403.

²⁰ Strafgesetzbuch. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>.

²¹ Criminal Code of the Kingdom of Spain (Organic Law No. 4/2015 of April 27, 2015).

составом²², причем на практике квалификация правонарушений по этой статье возможна в основном при совершении оскорбительных действий, а не путем диффамации в социальных сетях и средствах массовой информации.

Пути гармонизации российского законодательства по предмету диффамации

Обеспечивая равноправие, гражданское право не содержит существенных различий в правовом статусе российских и зарубежных журналистов, а также других представителей медиа-сообщества. Однако редакции традиционных СМИ в значительно большей степени уязвимы для диффамационных исков в процессуальном плане. Поскольку в рамках правоприменительной практики подтверждается, что основополагающим законным требованием в связи с предъявлением иска о диффамации является порочащее и бездоказательное утверждение, относящееся к определенному лицу²³, постольку исключительно блогеры, находящиеся вне национальной юрисдикции, могут, не боясь ответственности, называть конкретные имена лиц в спорных по части доказательной базы репортажах. Блогеры и любые анонимные комментаторы сообщений в Глобальной сети фактически неуязвимы для судебного преследования до тех пор, пока они не будут с точностью индивидуализированы, и их формат общения не будет признан судом распространением сообщения и публичным заявлением.

Исследование правовых аспектов работы журналистов в рамках филологической науки обстоятельно доказывает, что «диффамация как речевое нарушение или искажение имеет по своей внутренней сути структуру, аналогичную составу правонарушения, применяемую в современной юридической науке»²⁴. Собствен-

но, юридической науке вообще следует уделять больше внимания феномену речевых нарушений в процессе анализа причиненного вреда чести и достоинству, так как здесь возможно использование лингвистической экспертизы в качестве средства доказывания фактов объективной стороны состава деликта. Диффамация настолько часто и умело маскируется под литературное творчество, что судам может быть чрезвычайно сложно оценить реальное смысловое содержание спорного медиаконтента без экспертизы.

Диффамация (наряду с разглашением тайны частной жизни и правонарушениями экстремистской направленности) является одним из самых типичных правонарушений, которое умышленно или по неосторожности допускают в своей работе как профессиональные журналисты, так и все медийные персоны: блогеры, политики, популярные деятели искусства, спортсмены и представители бизнеса, общающиеся с прессой. Субъективная сторона диффамационных правонарушений характеризуется всеми формами вины — от прямого умысла до небрежности — и, как правило, не оказывает влияния на размер компенсаций (в англо-американской правовой системе весьма внушительный)²⁵, которые присуждаются жертвам диффамационных деликтов. В российском праве признано, что в результате диффамации всегда причиняется моральный вред, фактически в законе существует презумпция претерпевания моральных страданий физическим лицом при нарушении нематериальных прав, и сложилась практика денежной компенсации таких страданий²⁶. При этом юридическому лицу моральный вред не может быть причинен, и оно обязано доказывать убытки, ставшие следствием диффамации.

В результате некоторой правовой неопределенности вокруг способов защиты чести и

²² Defamation and Insult Laws in the OSCE Region: A Comparative Study (Commissioned by the OSCE Representative on Freedom of the Media Scott Griffen) 2017. URL: <https://www.osce.org/fom/303181>. P. 14.

²³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 июля 2005 г. по делу «Гринберг против Российской Федерации» (Grinberg v. Russia), жалоба № 23472/03, § 27 ; постановление Европейского Суда по делу «Компания «Радио Твист, А. С.» против Словакии» (Radio Twist, A. S. v. Slovakia), жалоба № 62202/00, § 53, ECHR 2006.

²⁴ Уткин Ю. Ю. Современная структура диффамации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 45. С 14.

²⁵ Wilson v Bauer Media Pty Ltd [2017] VSC 521 (Australia) ; Lachaux v Independent Print Ltd [2017] EWCA Civ 1334 (England) ; Elias, IV, Hadford and Folwer v. Rolling Stone Case 16-2465 (United States).

²⁶ Эрделевский А. М. О презумпции причинения морального вреда // Хозяйство и право. 2017. № 11 (490). С. 102—108.

достоинства в российской юриспруденции сложились узкие и широкие подходы к пониманию диффамации. В наиболее широком подходе диффамация есть распространение любых порочащих сведений, в том числе посредством физического оскорбления и правомерного информирования общественности о тех или иных фактах, затрагивающих репутацию потерпевшего. В наиболее узком правовом значении диффамация — гражданско-правовой деликт, связанный с причинением вреда чести, достоинству и деловой репутации посредством распространения порочащих сведений о фактах. Между этими двумя крайними позициями находится множество авторских толкований термина «диффамация», которые рассчитаны на то, что этот термин рано или поздно будет воспринят российским законодателем или интеграционным правом.

Следует признать обоснованность суждения о том, что «категория “диффамация” с учетом возрастающей потребности в ней на всех уровнях правового регулирования (прежде всего в гражданско-правовой сфере) требует более глубокого доктринального осмысления и выработки легальной позиции по ее толкованию»²⁷. Однако действия законодательной и судебной власти здесь должны быть крайне осторожными для того, чтобы не поставить под угрозу свободу слова и самовыражения. Несмотря на то что «с лингвистической точки зрения распространитель порочащих сведений использует большой арсенал языковых и речевых приемов для достижения поставленной цели: подмена понятий, умолчание, преувеличение и т.д.»²⁸, следует понимать, что состав диффамационного деликта образует далеко не всякое стремление и практическое усилие, нацеленное на дискредитацию потерпевшего, а только реально причинившее вред распространение ин-

формации, которая по форме или содержанию образует речевое нарушение.

Многообразие доктринальных взглядов на проблему диффамации характеризуют как весьма абстрактные суждения о том, что существует «возможность квалификации публичного высказывания негативно окрашенных суждений в качестве диффамации; ставится вопрос о необходимости верификации последних перед распространением»²⁹, так и косвенное отрицание актуальности использования ограничений в сфере политической коммуникации, основанное на том, что «политический дискурс неприятия и критики, как атавизм периода конфликта и противостояния, несомненно, атрофируется в процессе дальнейшего взаимодействия и двусторонней открытости»³⁰. В практике политического общения происходят совершенно другие процессы. В частности, достаточно часто «антропонимическая диффамация усиливается методом применения пейоративной диффамирующей лексики для характеристики действий соответствующего политика»³¹. Всякие ожидания глобальной политической разрядки в условиях современного тренда развития политического дискурса не снимают проблему необходимости адекватного правового ответа на очевидно противоправное распространение порочащей информации.

Некоторые ученые сознательно избирают такую концепцию понимания диффамации, где выделяются дезинформация и дискредитация и провозглашается «единственно правильным... определение соответствующих условий ответственности через их триаду, содержащуюся сегодня в законе, при одновременном наличии следующего: 1) факт распространения сведений о лице, 2) порочащий характер этих сведений и 3) несоответствие их действительности»³². При этом такой подход имеет формально право-

²⁷ Невзгодина Е. Л., Парыгина Н. Н. Диффамация как правовая категория // Вестник Омского университета. Серия : Право. 2016. № 2 (47). С. 94.

²⁸ Кошкарлова Н. Н. Клевета, оскорбление, диффамация: критерии разграничения и пути преодоления // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 250—252.

²⁹ Парыгина Н. Н. Тонкая грань и большая разница между утверждением о факте и выражением мнения // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10 (101). С. 168—172.

³⁰ Красильникова О. В. Анализ политического дискурса немецких интернет-изданий (на примере освещения президентской кампании 2012 г. в РФ) // Политическая экспертиза: Политэкс. 2013. Т. 9. № 3. С. 216—227.

³¹ Golodov A. G. Anthropological Denigration and Vilifying Vocabulary as Verbal Strategies of Information War (in German) // Иностранные языки в высшей школе. 2017. № 3 (42). С. 13—21.

³² Невзгодина Е. Л., Парыгина Н. Н. Гражданско-правовой механизм защиты деловой репутации в России: панорамный обзор // Lex Russica. 2018. № 1 (134). С. 57—70. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.134.1.057-070.

вое обоснование и базируется на действующем российском законодательстве, он не основан на принципе справедливости и является далеко не бесспорным. Ключевая дилемма здесь состоит в том, что, во-первых, причинение вреда конкретному лицу (чисто филологически) не всегда требует его определенного и безусловного упоминания, а во-вторых, достоверные сведения о конкретном лице могут быть как недоказуемыми, так и полученными с нарушением закона, что имеет отношение к действительности только в ее формально правовом понимании. При этом западная юридическая практика демонстрирует перспективы анализа информационных сообщений в ходе предвыборной кампании исходя из их влияния на рейтинг того или иного политика. В частности, американский адвокат Эрик Робинсон (Eric P. Robinson) предлагает использовать данные социологических опросов (polling data) как доказательство в делах о диффамации³³. Такой подход представляется весьма спорным с формально-правовых позиций, но явно интересным в плане гармонизации интеграционного права.

В отношении приемлемого для российского правосознания понимания термина «диффамация» можно отметить, что до сих пор это именно гражданско-правовое нарушение, так как уголовно-правовое понимание клеветы и административное правонарушение «оскорбление» следует рассматривать как специальные случаи публично-правового преследования в рамках буквального толкования указанных норм. Представления о возможности правомерной диффамации юридически нерациональны, так как диффамация предполагает причинение вреда охраняемым законом интересам. Узкое понимание диффамации также можно подвергнуть обстоятельной критике ввиду того, что помимо деликтов, затрагивающих предмет охраны ст. 152 ГК РФ, существует проблема правомерности распространения конфиденциальной информации, способной причинить вред репутации субъектов правовых отношений.

Для гармонизации законодательства о диффамации остаются открытыми некоторые проблемные вопросы в квалификации деликтов

против чести и достоинства. Во-первых, оценочные суждения, на которые в принципе распространяется свобода слова, могут быть, по сути, ширмой для порочащих (диффамационных) материалов. Во-вторых, диффамационные деликты могут стать следствием оскорбления; при этом российское законодательство двусмысленно толкует последствия вербального оскорбления, признавая тот факт, что оскорбительное поведение способно причинить моральный вред, но ограничительно толкуя состав деликта «причинение вреда чести, достоинству и деловой репутации» в ст. 152 ГК РФ. В-третьих, остается открытым вопрос о диффамации соответствующими действительности сведениями, которые не могут быть доказаны без разглашения охраняемой законом тайны частной жизни (тайны усыновления, следствия, банковской тайны и т.д.).

Опыт юридической корпорации Великобритании Carter-Ruck демонстрирует чрезвычайно разнообразный характер форм проявления диффамации. Однако в подавляющем большинстве случаев это речевое нарушение имеет политическую природу, определяющуюся преднамеренным злоупотреблением свободой слова³⁴. Практика международного общения начала XX в. продемонстрировала, что жертвами диффамации могут становиться государства и другие субъекты международного публичного права³⁵, чьи возможности по гражданско-правовой защите собственной репутации в известной степени ограничены обычными нормами международного общения.

В то время как коммуникация в социальных сетях носит глобальный характер, применение коллизионных привязок к конкретному праву для такого универсального общения представляется затруднительным, а диффамация в универсальном медиапространстве становится критической угрозой правам и свободам человека. В вопросе предметности диффамации принципиальное правовое значение на практике имеет именно соответствие коммуникативного действия идеалам справедливости и правового государства, а не формальная возможность доказывания конкретного факта.

³³ Robinson E. P. Libel by the Numbers: The use of public opinion polls in defamation lawsuits // First Amendment Studies. 2017. Vol. 51. Iss. 2 Pp. 62—85. DOI: 10.1080/21689725.2017.1422987.

³⁴ Saunders K. W. Free Expression and Democracy. Cambridge University Press, 2017. Pp. 201—234. DOI: 10.1017/9781316771129.009.

³⁵ Dickinson E. D. The Defamation of Foreign Governments. // American Journal of International Law. 1928. Vol. 22. Iss. 4. Pp. 840—844. URL: <https://doi.org/10.2307/2188440>.

В праве Великобритании эта парадигма кристаллизовалась в Акте «О диффамации» 2013 г. (Defamation Act 2013)³⁶ в форме доктрины существенного ущерба, сопряженного с диффамацией.

Профессор права Мельбурнского университета (The University of Melbourne) Андроу Кенъон (Andrew T. Kenyon) рассматривает проблемы медийного права в контексте взаимосвязи позитивной ответственности журналистов³⁷ с проблемами диффамации и вмешательства в частную жизнь³⁸. Его исследования подтверждают глобальный характер современного медиапространства, где блогеры на просторах социальных сетей подчиняются либеральному правовому режиму, который, однако, образует определенные международные «стандарты свободы слова»³⁹. Англо-американская правовая доктрина, отказавшись от уголовного преследования за диффамацию, пошла по пути назначения крупных гражданско-правовых штрафов за распространение порочащей информации с нарушением закона.

Практика защиты интересов российских публичных персон в суде Лондона демонстрирует высокую эффективность судебной власти в деле защиты от диффамации. Так, например, в 2009 г. по делу «Батурина vs The Sunday Times» британское издание вынуждено было опубликовать опровержение⁴⁰, а в 2015 г. Высокий суд Лондона защитил права российского политика Владимира Слуцкера, признав материалы российской журналистки Ольги Романовой диффамацией, и присудил потерпевшему компенсацию в 110 тыс. фунтов⁴¹. Эти примеры свойственны для британского права, но не отражают в целом ситуацию с диффамацией в Европе.

Анализируя практику и учитывая остроту современных социально-политических проблем, действительно можно «сравнить сегодняшний российский инфотейнмент со своего рода провокацией, игрой в “русскую рулетку”: порой очень тонкая грань отделяет журналиста от диффамационного иска»⁴². Но на этом агрессивном фоне крупные, знаковые судебные процессы о защите чести и достоинства в Российской Федерации происходят достаточно редко, а компенсации по таким деликтам соотносятся со средней заработной платой по региону (с учетом принципов разумности, справедливости и соразмерности последствиям нарушения с субъективной оценкой истца степени причиненного ему вреда)⁴³. Российские судебные и другие правоохранительные органы в ответ на диффамацию, которая стала следствием распространения массовой информации, достаточно редко привлекают виновных к ответственности, и еще реже размер удовлетворенных требований сопоставим с европейской практикой компенсации аналогичного вреда.

Вывод

Учитывая тот факт, что защита от диффамации, как и противодействие пропаганде экстремизма, требует справедливых и разумных ограничений свободы слова, решать столь сложные задачи необходимо при непосредственном взаимодействии правоохранительных органов с профессиональными представителями медиасообщества. Для точной и обоснованной юридической оценки диффамационных текстов рационально использовать судебную лингви-

³⁶ Defamation Act 2013. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/26/section/1/enacted>.

³⁷ Kenyon A. T., Marjoribanks T. The Future of «Responsible Journalism» // Defamation law, public debate and news production. Journalism Practice. 2008. Vol. 2. Iss. 3. Pp. 372—385. URL: <https://doi.org/10.1080/17512780802281107>.

³⁸ Kenyon A. T. Comparative Defamation and Privacy Law. Cambridge University Press, 2016. 400 p. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316402467.005>.

³⁹ Mills A. The Law Applicable to Cross-Border Defamation on Social Media: Whose Law Governs Free Speech in ‘Facebookistan’? // Journal of Media Law. 2015. Vol. 7. Iss. 1. Pp. 1—35. DOI: 10.1080/17577632.2015.1055942.

⁴⁰ Russia’s richest woman wins Sunday Times libel battle // URL: <https://www.theguardian.com/media/2011/oct/17/russia-richest-woman-sunday-times>.

⁴¹ Гландин С. В. Владимир Слуцкер vs Ольга Романова. Англо-российское диффамационное право // Закон. 2016. № 1. С. 108—130.

⁴² Морозова А. И. Инфотейнмент и диффамационные риски // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. 2016. № 3. С. 203.

⁴³ П. 18 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации от 16 марта 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

стическую экспертизу, которая должна проводиться с привлечением ведущих европейских специалистов и призвана установить формально-грамматический смысл спорного высказывания, дать семантическую и прагматическую характеристику содержащихся в оспариваемых высказываниях сведений, установить соотносимость диффамационных материалов с конкретным физическим или юридическим лицом.

Совершенствование российского законодательства возможно за счет гармонизации норм гражданского права с европейским законодательством посредством признания деликтами

всех тех проявлений диффамации, которые направлены на причинение вреда охраняемым законом интересам. При этом формальная достоверность сведений не должна становиться центральным вопросом доказывания при защите чести и достоинства, поскольку любое противоправное действие (разглашение тайны частной жизни, оскорбительная форма сообщения, нарушение авторских прав и присвоение авторства, несогласованное использование образа физического лица в рекламном сообщении) может фактически являться диффамацией, причиняющей моральный вред.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. — 2015. — № 5. — С. 23—39.
2. Авакьян С. А. Некоторые мысли о состоянии и перспективах конституционно-политического развития России // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. — 2016. — № 1. — С. 3—17.
3. Баетов А. Б. Гармонизация права как ведущий процесс правовой интеграции // Известия вузов (Кыргызстан). — 2010. — № 3. — С. 279—281.
4. Галяшина Е. И., Земскова С. И. Противоречия в понимании диффамации в Гражданском кодексе РФ и Уголовном кодексе РФ // Lex Russica. — 2011. — Т. 70. — № 6. — С. 1148—1154.
5. Гландин С. В. Владимир Слуцкер vs Ольга Романова. Англо-российское диффамационное право // Закон. — 2016. — № 1. — С. 108—130.
6. Кашкин С. Ю. Интеграционное право как перспективное направление развития юридической науки и образования // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 10 (47). — С. 2151—2160.
7. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12. — № 4. — С. 561—571. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).561—571.
8. Кошкарова Н. Н. Клевета, оскорбление, диффамация: критерии разграничения и пути преодоления // Юрислингвистика. — 2011. — № 1 (11). — С. 250—252.
9. Красильникова О. В. Анализ политического дискурса немецких интернет-изданий (на примере освещения президентской кампании 2012 г. в РФ) // Политическая экспертиза: ПолитЭкс. — 2013. — Т. 9. — № 3. — С. 216—227.
10. Культуральные исследования права : монография / под ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. — 464 с.
11. Ливеровский А. А. Публичность правовых позиций как гарантия независимости судьи // Журнал конституционного правосудия. — 2009. — № 2. — С. 39—41.
12. Мельник Г. С. Тактические медиа в деструктивных технологиях протеста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. — 2015. — № 3. — С. 83—91.
13. Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Тактические медиа: социальные приоритеты и прагматика текста // Гуманитарный вектор. — 2014. — № 4 (40). — С. 104—109.
14. Морозова А. И. Инфотейнмент и диффамационные риски // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. — 2016. — № 3. — С. 199—204.
15. Мухин А. М. Публичность как принцип уголовного процесса // Проблемы права. — 2009. — № 3 (19). — С. 140—142.
16. Невзгодина Е. Л., Парыгина Н. Н. Диффамация как правовая категория // Вестник Омского университета. Серия : Право. — 2016. — № 2 (47). — С. 86—94.
17. Невзгодина Е. Л., Парыгина Н. Н. Гражданско-правовой механизм защиты деловой репутации в России: панорамный обзор // Lex Russica. — 2018. — № 1 (134). — С. 57—70. — DOI:10.17803/1729-5920.2018.134.1.057—070.

18. *Парыгина Н. Н.* Тонкая грань и большая разница между утверждением о факте и выражением мнения // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 10 (101). — С. 168—172.
19. *Подольный Н. А.* Публичность в уголовном судопроизводстве // Российский судья. — 2009. — № 11. — С. 25—28.
20. *Рудоквас А. Д.* Перспективы создания единого правового пространства ЕАЭС в свете опыта гармонизации частного права в ЕС // Евразийская экономическая перспектива : сборник докладов V Международного экономического форума. — 2018. — С. 66—71.
21. *Сырых В. М.* Проблемы гармонизации позитивного и социального (предпозитивного) частного права // Lex Russica. — 2017. — № 7 (128). — С. 9—29. — DOI: 10.17803/1729-5920.2017.128.7.009-029.
22. *Уткин Ю. Ю.* Современная структура диффамации // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. — 2016. — № 45. — С. 12—15.
23. Экстремизм в современном мире : монография / под ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, В. А. Шамахова ; Северо-Западный институт управления РАНХиГС. — Санкт-Петербург, 2018. — 444 с.
24. *Эрделевский А. М.* О презумпции причинения морального вреда // Хозяйство и право. — 2017. — № 11 (490). — С. 102—108.
25. *Anstey B. J.* Criminal Defamation and Reputation as 'Honour': a cross-jurisdictional perspective // Journal of Media Law. — 2017. — Vol. 9. — Iss. 1. — Pp. 132—153. — DOI: 10.1080/17577632.2017.1311467.
26. *Carter-Ruck on Libel and Privacy / Eds. C. Doley, H. Starte, C. Addy & oths.* — Butterworths Law, 2010. — 1762 p.
27. *Dickinson E. D.* The Defamation of Foreign Governments // American Journal of International Law. — 1928. — Vol. 22. — Iss. 4. — Pp. 840—844. — DOI:10.2307/2188440.
28. *Golodov A. G.* Anthropological Denigration and Vilifying Vocabulary as Verbal Strategies of Information War (in German) // Иностранные языки в высшей школе. — 2017. — № 3 (42). — С. 13—21.
29. *Kenyon A. T.* Comparative Defamation and Privacy Law. — Cambridge University Press, 2016. — 400 p. — DOI:10.1017/CBO9781316402467.005.
30. *Kenyon A. T., Marjoribanks T.* The Future of «Responsible Journalism» Defamation law, public debate and news production // Journalism Practice. — 2008. — Vol. 2. — Iss. 3. — Pp. 372—385. — DOI:10.1080/17512780802281107.
31. *McGonagle T.* Freedom of Expression and Defamation: A study of the case law of the European Court of Human Rights. — Council of Europe, 2016.
32. *Mills A.* The Law Applicable to Cross-Border Defamation on Social Media: Whose Law Governs Free Speech in 'Facebookistan'? // Journal of Media Law. — 2015. — Vol. 7. — Iss. 1. Pp. 1—35. — DOI: 10.1080/17577632.2015.1055942.
33. *Robinson E. P.* Libel by the Numbers: The use of public opinion polls in defamation lawsuits // First Amendment Studies 2017. — Vol. 51. — Iss. 2. — Pp. 62—85. — DOI: 10.1080/21689725.2017.1422987.
34. *Saunders K. W.* Free Expression and Democracy. — Cambridge University Press, 2017. — DOI: 10.1017/9781316771129.009.

Материал поступил в редакцию 13 ноября 2018 г.

PROBLEMS OF HARMONIZATION OF EUROPEAN AND RUSSIAN LEGISLATION ON DEFAMATION

KIRILENKO Viktor Petrovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Humanitarian Law of the Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation

v.vvaas@yandex.ru

199034, Russia, St. Petersburg, 22ya liniya Vasilevskogo ostrova, d. 16/18

ALEKSEEV Georgiy Valerevich, PhD in Law, Docent, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg)

deltafox1@yandex.ru

199034, Russia, St. Petersburg, 22ya liniya Vasilevskogo ostrova, d. 16/18

Abstract. *Russia's integration into the global information space largely depends on how effectively fundamental human rights and freedoms will be protected by the current national legislation and the emerging integration law. Harmonization of Russian law with European standards of freedom of speech and protection of intangible rights of individuals and legal entities in terms of liability for defamation statements is a fundamentally important task to maintain the authority of the Russian Federation in the European political arena. The work of international human rights organizations, such as the International Press Institute, demonstrates the problems with ensuring real freedom of speech in the vast majority of European Union countries. The use of criminal sanctions for defamation offences, as well as the use of extremely large administrative fines and civil compensation, in fact, is a pan-European practice of countering not only defamation, but also any abuse of freedom of speech by the media community. Such practices could hypothetically threaten free speech, and they raise understandable concerns among the democratic public about the prospects of state institutions controlling private media. Calls for social and legal experiments in the form of regular attempts to decriminalize libel do not seem constructive. Based on the analysis of the Russian practice of bringing to responsibility for torts in the information space, it is proposed to understand defamation as any illegal dissemination of information with the aim of harming legally protected interests and to make wider use of civil liability measures in punishing such offenses. The authors propose to harmonize the European and Russian legislation on defamation through the development of uniform rules for the production of the forensic linguistic examination of the defamatory materials to substantiate evidence of the unlawful intent of delinquent.*

Keywords: *media, human rights, slander, insult, media, linguistic expertise, honor, dignity, business reputation.*

REFERENCES

1. Avakyan S.A. *Vybory v Rossii: evolyutsiya izbiratelnykh sistem, sovremennye problemy* [Elections in Russia: evolution of electoral systems, modern problems]. *Vestnik moskovskogo universiteta* [The Moscow University Herald]. Series 11: Law]. 2015. No. 5. Pp. 23—39.
2. Avakyan S.A. *Nekotorye mysli o sostoyanii i perspektivakh konstitutsionno-politicheskogo razvitiya Rossii* [Some thoughts on the state and prospects of constitutional and political development of Russia]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Pravo* [The Moscow University Herald. Series 11: Law]. 2016. No. 1. Pp. 3—17.
3. Baetov A. B. *Garmonizatsiya prava kak vedushchiy protsess pravovoy integratsii* [Harmonization of law as a leading process of legal integration]. *Izvestiya vuzov Kyrgyzstana* [Kyrgyzstan Tertiary Institutions Bulletin]. 2010. No. 3. Pp. 279—281.
4. Galyashina E.I., Zemskova S.I. *Protivorechiya v ponimanii diffamatsii v grazhdanskom kodekse RF i ugovnom kodekse RF* [Contradictions in the understanding of defamation in the Civil code and the Criminal code of the Russian Federation]. *Lex Russica*. 2011. Vol. 70. No. 6. Pp. 1148-1154.
5. Glandin S.V. *Vladimir Slutsker vs Olga Romanova. Anglo-rossiyskoe diffamatsionnoe pravo* [Vladimir Slutsker vs Olga Romanova. Anglo-Russian defamation law]. *Zakon* [Law]. 2016. No.1. Pp. 108—130.

6. Kashkin S.Yu. *Integratsionnoe pravo kak perspektivnoe napravlenie razvitiya yuridicheskoy nauki i obrazovaniya* [Integration law as a perspective direction of development of legal science and education]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2014. No. 10 (47). Pp. 2151-2160.
7. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. *Aktualnye problemy protivodeystviya prestupleniyam ekstremistskoy napravlenosti* [Current problems of counteraction to crimes of extremist orientation]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology]. 2018. Vol. 12. No. 4. Pp. 561-571. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).561—571.
8. Koshkarova N.N. *Kleveta, oskorblenie, diffamatsiya: kriterii razgranicheniya i puti preodoleniya* [Slander, insult, defamation: criteria of differentiation and ways of overcoming]. *Yurislingvistika* [Legal Linguistics]. 2011. No. 1 (11). Pp. 250—252.
9. Krasilnikova O.V. *Analiz politicheskogo diskursa nemetskikh internet-izdaniy (na primere osveshcheniya prezidentskoy kampanii 2012 goda v RF)* [Analysis of the political discourse of German Internet publications (on the example of coverage of the 2012 presidential campaign in Russia)]. *Politicheskaya ekspertiza: PolitEks Publ.* 2013. Vol. 9. No. 3. Pp. 216—227.
10. *Kulturalnye issledovaniya prava: monografiya* [Cultural studies of law: monograph]. Edited by I.L. Chestnov, E.N. Tonkov. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2018. 464 p.
11. Liverovskiy A.A. *Publichnost pravovykh pozitsiy kak garantiya nezavisimosti sudi* [Publicity of legal positions as a guarantee of independence of the judge]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice]. 2009. No. 2. Pp. 39—41.
12. Melnik G.S. *Takticheskie media v destruktivnykh tekhnologiyakh protesta* [Tactical media in destructive technologies of protest]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of St. Petersburg University]. *Psikhologiya i pedagogika* [Psychology and pedagogy]. 2015. No. 3. Pp. 83—91.
13. Melnik G.S., Misonzhnikov B.Ya. *Takticheskie media: sotsialnye priority i pragmatika teksta* [Tactical media: social priorities and pragmatics of the text]. *Gumanitarnyy vektor* [Humanitarian vector]. 2014. No. 4 (40). Pp. 104—109.
14. Morozova A.I. *Infoteyment i diffamatsionnye riski* [Infotainment and defamation risks]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Herald of Tver State University. Series: Philology]. 2016. No. 3. Pp. 199—204.
15. Mukhin A.M. *Publichnost kak printsip ugovnogo protsesssa* [Publicity as the principle of the criminal process]. *Problemy prava* [Issues of Law]. 2009. No. 3 (19). Pp. 140—142.
16. Nevzgodina E.L., Parygina N.N. *Diffamatsiya kak pravovaya kategoriya* [Defamation as a legal category]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Herald of Omsk University]. Series: Law. 2016. No. 2 (47). Pp. 86—94.
17. Nevzgodina E.L., Parygina N.N. *Grazhdansko-pravovoy mekhanizm zashchity delovoy reputatsii v Rossii: panoramnyy obzor* [Civil-legal mechanism of business reputation protection in Russia: panoramic view]. *Lex Russica*. 2018. No. 1 (134). Pp. 57-70. DOI:10.17803/1729-5920.2018.134.1.057—070.
18. Parygina N.N. *Tonkaya gran i bolshaya raznitsa mezhdu utverzhdeniem o fakte i vyrazheniem mneniya* [Fine line and big difference between statement of fact and expression of opinion]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal]. 2016. No. 10 (101). Pp. 168—172.
19. Podolnyy N.A. *Publichnost v ugovnom sudoproizvodstve* [Publicity in criminal proceedings]. *Rossiyskiy sudya* [Russian Judge]. 2009. No. 11. Pp. 25—28.
20. Rudokvas A.D. *Perspektivy sozdaniya edinogo pravovogo prostranstva EAES v svete opyta garmonizatsii chastnogo prava v ES* [Prospects for the creation of a single legal space of the EAEU in the light of the experience of harmonization of private law in the EU]. *Evraziyskaya ekonomicheskaya perspektiva: sbornik dokladov 5 Mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma* [Eurasian economic perspective: Procs. 5 International Economic Forum]. 2018. Pp. 66—71.
21. Syrykh V.M. *Problemy garmonizatsii pozitivnogo i sotsialnogo (predpozitivnogo) chastnogo prava* [Problems of harmonization of positive and social (pre-positive) private law]. *Lex Russica*. 2017. No. 7 (128). Pp. 9-29. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.128.7.009-029.
22. Utkin Yu.Yu. *Sovremennaya struktura diffamatsii* [Modern structure of defamation]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal]. 2016. No. 45. Pp. 12—15.
23. *Ekstremizm v sovremennoy mire: monografiya* [Extremism in the modern world: monograph]. Edited by A.I. Bastrykin, V.P. Kirilenko, V.A. Shamakhov. North-Western Institute of Management RANEPa. St. Petersburg, 2018. 444 p.

24. Erdelevskiy A.M. *O prezumpitsii prichineniya moralnogo vreda* [On the presumption of causing moral harm]. *Khozyaystvo i pravo* [Business and Law]. 2017. No. 11 (490). Pp. 102—108.
25. Anstey B. J. Criminal Defamation and Reputation as 'Honour': a cross-jurisdictional perspective. *Journal of Media Law*. 2017. Vol. 9. Iss. 1. Pp. 132-153. DOI: 10.1080/17577632.2017.1311467.
26. Carter-Ruck on Libel and Privacy. C. Doley, H. Starte, C. Addy & oths (eds.). Butterworths Law, 2010. P 1762.
27. Dickinson E.D. The Defamation of Foreign Governments. *American Journal of International Law*. 1928. Vol. 22. Iss. 4. Pp. 840-844. DOI:10.2307/2188440.
28. Golodov G.A. Anthropological Denigration and Vilifying Vocabulary as Verbal Information Strategies of War (in German). *Inostrannye yazyki v vysshey shkole* [Foreign languages in high school]. 2017. No. 3 (42). Pp. 13—21.
29. Kenyon A.T. *Comparative Defamation and Privacy Law*. Cambridge University Press, 2016. 400 p. DOI:10.1017/CBO9781316402467.005.
30. Kenyon A.T., Marjoribanks T. The Future of «Responsible Journalism» Defamation law, public debate and news production. *Journalism Practice*. 2008. Vol. 2. Iss. 3. Pp. 372-385. DOI:10.1080/17512780802281107.
31. McGonagle T. *Freedom of Expression and Defamation: A study of the case law of the European Court of Human Rights*. Council of Europe, 2016.
32. Mills A. The Law Applicable to Cross-Border Defamation on Social Media: Whose Law Governs Free Speech in 'Facebookistan'? *Journal of Media Law*. 2015. Vol. 7. Iss. 1. Pp. 1-35. DOI: 10.1080/17577632.2015.1055942.
33. Robinson E.P. Libel by the Numbers: The use of public opinion polls in defamation lawsuits. *First Amendment Studies* 2017. Vol. 51. Iss. 2. Pp. 62-85. DOI: 10.1080/21689725.2017.1422987.
34. Saunders K.W. *Free Expression and Democracy*. Cambridge University Press, 2017. DOI: 10.1017/9781316771129.009.